

Неожиданный поворот: роль Н.А. Лухмановой
в закрытии журнала «Новый путь»

Татьяна В. Левицкая

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, tanuhamozzka@yandex.ru*

Мария В. Михайлова

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, mary1701@mail.ru*

Аннотация. В статье открываются малоизвестные стороны полемики вокруг журнала «Новый путь», послужившей причиной закрытия Религиозно-философских собраний. Авторами статьи предпринята попытка реконструкции и историко-филологического анализа дискуссии, имевшей большое влияние на литературную и философскую жизнь начала XX в. Несомненную роль в этом столкновении сыграла статья Н.А. Лухмановой «Кто дал им право?», которая была посвящена этическому вопросу правомерности обсуждения религиозных тем на страницах популярных изданий. Во многом вопреки желанию автора статья была вовлечена в обширную газетную кампанию, направленную против деятельности журнала «Новый путь». Оппоненты умело использовали статью Лухмановой, интерпретировали ее сообразно своим целям, зачастую обращая гораздо большее внимание на личность писательницы, нежели на ее точку зрения. Вокруг Лухмановой также образовалось два лагеря: обвинители предъявляли ей традиционно характеризующие женщин претензии в истеричности и несдержанности, а защитники создали столь же традиционный образ «невинной жертвы». Авторы статьи вводят в литературоведческий обиход не только новую информацию, касающуюся обозначенной полемики, но вместе с тем рассматривают роль женщины в журналистике того времени, которая, несмотря на появление все большего числа участниц периодических изданий, воспринималась зачастую в штыки, поскольку продолжали действовать каноны патриархатного общества.

Ключевые слова: Н.А. Лухманова, полемика, декадентство, Религиозно-философские собрания, журналистика, роль женщины в социуме.

Для цитирования: Левицкая Т.В., Михайлова М.В. Неожиданный поворот: роль Н.А. Лухмановой в закрытии журнала «Новый путь» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 2. С. 84–100.

An unexpected turn.
The role of NA. Lukhmanova
in closing of the magazine “Novy Put’ ”

Tatiana V. Levitskaia

*Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia; tanuhamozzka@yandex.ru*

Maria V. Mikhailova

*Lomonosov Moscow State University, Moscow,
Russia; mary1701@mail.ru*

Abstract. The article highlights some little-known facts about the controversy around the magazine “Novy Put’ ”, which served as a pretext for prohibiting the Religious-philosophical meetings. The authors of the article make an attempt of the reconstruction and historical-philological analysis of the debate, which had a great influence on the literary and philosophical life in the beginning the 20th century. An undoubted great role in that collision was played by N.A. Lukhmanova’s article “Who gave them the right?”, which was devoted to the ethical propriety of discussing the religious topics in the pages of popular publications. Largely against the author’s desire, the article was involved in a wide newspaper campaign opposing the magazine “Novy Put’ ”. Opponents skillfully used Lukhmanova’s article, interpreted it according to their goals, often paying much more attention to the writer’s personality than to her point of view. Two camps also arose around Lukhmanova: the prosecutors made traditionally characterizing women claims of the hysteria and incontinence and the defenders created an equally traditional image of an “innocent victim”. The authors bring to literature usage not only new information concerning polemics, but at the same time consider the role of women in journalism of that time, what, despite the appearance of an increasing number of women-writers in periodical, was often perceived with hostility according to then acting canons of Patriarchal society.

Keywords: NA. Lukhmanova, polemics, decadence, Religious-philosophical meetings, journalism, the role of women in society.

For citation: Levitskaia TV., Mikhailova MV. An unexpected turn: the role of NA. Lukhmanova in closing of the magazine “Novy Put’ ”. *RSUH/ RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, 2019;2: 84-100.

Введение

Надежда Александровна Лухманова (1841–1907) – одна из первых женщин-авторов, громко заявивших о себе. Пик литературной и публицистической деятельности писательницы пришлась на рубеж XIX–XX вв. Если в начале 1890-х гг. она печаталась в основном под псевдонимами или выступала как автор переводов художественных произведений (а зачастую и мистификаций, в чем она признавалась позже), то уже через несколько лет ее имя получило широкую известность в литературном мире. Первым значительным произведением Лухмановой стала повесть «Двадцать лет назад. Воспоминания из институтской жизни» (1893), получившая высокую оценку Н.К. Михайловского и напечатанная в журнале «Русское богатство». В том же журнале были изданы и первые главы «Очерков из жизни в Сибири» (1895). Ее журналистская деятельность также стремительно набирала обороты: в 1898 г. ей удалось напечатать настольную книгу «Спутник женщины». Тогда же она выпустила сборник статей «Черты общественной жизни» (высоко оцененный В.В. Розановым), стала издателем и основным автором журнала «Возрождение» (1899–1900), а также постоянным корреспондентом многих изданий (например, «Петербургской газеты», «Санкт-Петербургских ведомостей», «Южного края»). Ей уже не приходилось изобретать псевдонимы: ее статьи на острые злободневные темы публиковались на первых страницах газет, она ездила по стране с публичными лекциями, выпускала сборники рассказов. Лухманова не боялась критики, откровенно высказывала свою точку зрения, стремилась к тому, чтобы ее имя было на слуху. В 1903 г. большой общественный резонанс получила статья Лухмановой «Кто дал им право?»¹, которая была использована в полемике вокруг деятельности Религиозно-философских собраний и сыграла определенную роль в судьбе журнала «Новый путь», ставшего вестником «нового религиозного сознания».

«Новый путь» и путь «сатанинский». Предыстория конфликта

Разрешение на издание журнала «Новый путь» было получено от Главного Управления по делам печати 5 июля 1902 г. Журнал как издание, обращавшее большое внимание на вопросы религии, подлежал двойному контролю со стороны светской и духовной цензуры. В нем планировалось 12 разделов, последним

¹ Лухманова Н.А. Кто дал им право? // Заря. 1903. № 32. 2 апр. С. 10.

из которых предполагалась публикация стенографических отчетов Религиозно-философских собраний («Записки Религиозно-философских собраний»). Во вступительной статье в январском номере 1903 г. редактор П.П. Перцов обозначил основной вектор деятельности издания: «Мы стоим на почве нового религиозного миропонимания. <...> Правда о человеке и правда о людях сливаются в правду о Боге» [1 с. 5–6]. В предисловии к разделу «Записки Религиозно-философских собраний» были озвучены основные положения собраний, главной задачей которых являлось преодоление разобщенности «духовенства и светских людей, а также духовной и светской печати»². Смягчение и возможное устранение этого отчуждения объявлялось одной из важнейших целей собраний. В номере была опубликована стенограмма доклада В.А. Тернавцева, прозвучавшего на первом заседании в 1901 г. и обозначившего круг основных задач, сосредоточенных вокруг религиозно-общественного возрождения России. Одной из основных проблем был назван нравственный кризис, переживаемый интеллигенцией, не получающей от Церкви ответов на актуальные запросы времени. Преодолением кризиса должно было стать «раскрытие со стороны Церкви сокровенной в ней “правды о земле”, учения о христианском государстве, религиозном призвании светской власти» [2 с. 6]. По воспоминаниям З. Гиппиус, этот доклад, заключая в себе «пророческие замечания», оказался «краеугольным камнем всех заседаний» [3 с. 84]. Она отметила, что «собrania скоро стали называться “единственным приютом свободного слова”» [3 с. 84].

Религиозно-философские собрания были запрещены 5 апреля 1903 г., и это сказалось на судьбе журнала. В письме Перцову от 6 апреля 1903 г. Гиппиус высказала опасения по этому поводу: «...Потеряем журнал, – вряд ли стоит сидеть в России и ждать погоды. Железный занавес упадет опять между нами и общественно-церковной жизнью» [4 с. 354]. Действительно, в конце 1903 г. указом Синода были запрещены публикации «Записок Религиозно-философских собраний». Последние стенографические протоколы были опубликованы в журнале за январь 1904 г. «Новый путь» прекратил свое существование в 1905 г. Вместо него в январе подписчикам был разослан ежемесячник «Вопросы жизни».

Основной причиной запрета собраний был негативный отзыв о них Иоанна Кронштадтского «О старом и новом пути» (Миссионерское обозрение. 1903. № 5), а также обширная газетная кампания, в которой основные роли сыграли статьи Меншикова

² [Б.п.] Вступительная статья. Записки Религиозно-Философских собраний // Новый путь. 1903. № 1. Янв. С. 1.

в «Новом времени» (1903. № 9716), Мещерского в «Гражданине» (1903. № 25) и др. Работа Лухмановой «Кто дал им право?» в газете «Заря» (1903. № 32) обычно не учитывается в этой резонансной полемике, но она также оказала значительное влияние на сложившуюся ситуацию.

Иоанн Кронштадтский резко отозвался о деятельности «умников неумных» [5 с. 691], причислив к ним Толстого и его последователей, которые «отвергают церковь, таинства, руководство священнослужителей и даже выдумали журнал “Новый путь”» [5 с. 691]. Новопутейцы поместили эту же статью, не сопроводив ее комментариями, в мартовском номере³. Ответная статья Н. Минского под заголовком «“Новый путь” и путь “сатанинский”» [6] была помещена уже в апрельском номере журнала. В статье Минский характеризует отзыв Иоанна Кронштадтского как недоразумение, связанное с неправильной трактовкой задач издания, основной целью которого являлся не поиск новых путей в религии, а попытка ухода от позитивистского мировоззрения, поиски путей сближения интеллигенции с церковью.

Огромный общественный резонанс, повлиявший на судьбу Религиозно-философских собраний, получили работы М.О. Меньшикова «Титан и пигмеи» и «Тоже стиль модерн»⁴, появившиеся в рубрике «Из писем к ближним». Статья «Титан и пигмеи» представляет собой критический анализ декадентского искусства на примере романа Ст. Пшибышевского «Номо Sapiens». Меньшиков отдает предпочтение искусству классицизму, смысл которого он видит в поиске скрытого в природе лица Создателя. Замысел же нового искусства, по его мнению, «найти скрытое в природе лицо дьявола» [НВ. 1903. № 9716. с. 3]. В качестве доказательства своих суждений Меньшиков привел журнал «Новый путь», поместивший «без всяких оговорок и отрицаний... аттестат себе, выданный отцом Иоанном Кронштадтским» [там же], о сатанинской природе поиска «новых путей» и тем самым «молчаливо и не без гордости» [там же] присоединившийся к этой характеристике. Таким образом, он косвенно обвинил журнал в потворстве праздности, духовному нездоровью, утрате христианской веры, что и составляло для него суть декаданса. Свое мнение относительно декаданса он распространил и на высказывания религиозных деятелей.

³ Отзыв о. Иоанна Кронштадтского о «Новом пути» // Новый путь. 1903. № 3. Март. С. 253.

⁴ Меньшиков М.О. Титан и пигмеи: Также стиль модерн // Новое время. 1903. № 9716. 23 марта. С. 3. В дальнейшем ссылки на газету «Новое время» (аббревиатура НВ) даются в тексте в скобках.

В статье «Тоже стиль модерн» Меньшиков подверг критическому разбору идеи протоиерея Устьинского⁵, который был горячим поклонником В.В. Розанова, также поднимал вопросы пола, брака и их отношений с церковью, рассуждал о противоречиях между биологической природой человека и религиозными установками, выступал за упрощение процедуры развода. Устьинский утверждал, что православному человеку «наскучило уже смотреть на христианство монашескими глазами» [там же], и это привело к появлению множества сект и различных отклонений от церковного устава. Задачу русского священника он видел в озарении супружеского общения «светом Христовым» [там же]. Меньшиков в этих достаточно нейтральных суждениях усмотрел негативное восприятие института монашества, а также чрезмерно пристальное внимание к супружеским взаимоотношениям. В своем критическом разборе он привел большое количество цитат из Устьинского, подвергнув анализу наиболее, с его точки зрения, откровенные, даже шокирующие высказывания.

Статьи Устьинского послужили одним из поводов к закрытию Религиозно-философских собраний. В письме к Перцову от 20 апреля 1903 г. Гиппиус пишет, что фельетон Меньшикова был «подсунут» Николаю II, который воскликнул: «Это возмутительно! Запросить духовную власть, что она думает сделать с этим протоиереем и что это за журнал “Новый путь”» [7 с. 246]. Вмешательство власти поставило Устьинского в опасное положение, но благодаря содействию митрополита Антония решение духовного суда удалось смягчить: Устьинский был сослан в Хутынский монастырь для покаяния сроком на два месяца, после чего продолжил служить.

Но у Устьинского нашлись «защитники», которые попытались найти слабое звено в позиции Меньшикова. Гневной записью в дневнике, опубликованном в мартовском номере «Гражданина», отреагировал на статью Меньшикова В.П. Мещерский, который посчитал, что Меньшиков своей обличительной статьей сделал своего рода рекламу «Новому пути» – этому «сатанинскому органу печати». Деятельность Мережковского, Розанова и в особенности протоиерея Устьинского Мещерский посчитал оскорбительной, оскверняющей Божий храм «нечистотами своих больных мозгов»⁶. Без фельетона Меньшикова читатели не знали бы о той

⁵ Протоиерей Устьинский (1854–1922) – выпускник Санкт-Петербургской духовной академии (кандидат богословия), священник Димитровской церкви в Старой Руссе, затем протоиерей и настоятель церкви Рождества Богородицы Десятинного женского монастыря в Новгороде.

⁶ *Мещерский В.П.* Дневниковая запись: вторник 25 марта // Гражданин. 1903. № 25. 27 марта. С. 20.

«зловонной грязи» [там же], которую выливает на головы людей журнал «Новый путь». Поэтому, как ни парадоксально это звучит, Мещерский склонен обвинять издателя «Нового времени», разместившего эту статью, в косвенном распространении декадентских идей.

На защиту Религиозно-философских собраний и журнала «Новый путь» встал В.В. Розанов. 28 марта 1903 г. в «Новом времени» был помещен ответ Розанова на статью Меньшикова, в котором он горячо защищал протоиерея Устьинского. Розанов взял на себя ответственность за распространение идей, высказанных Устьинским, в частной переписке, публикация⁷ которой и была осуществлена Розановым в книге «В мире неясного и нерешенного» (1901) и в журнале «Новый путь» (1903. № 2). Сделал он это, так как считал важным обсуждение этих проблем с представителем официальной церкви. По его мнению, в религиозном вопросе высказываемые новые идеи должны следовать «возможной традиции в церкви» [НВ. 1903. № 9721. с. 2], солидаризироваться с церковными мнениями. «Отсюда, – писал Розанов, – постоянное мое желание заручиться авторитетом у богословов, отсюда – опубликование мнений их, хотя бы выраженных в частных письмах» [там же]. Розанов подробно разобрал статью Меньшикова, доказав неосновательность его критики и дав подробные объяснения по каждому вопросу. Мещерского же он обвинил в двуличии, так как, ополчившись на Устьинского за откровенные суждения о брачной жизни, он совершенно забыл, что в 1900 г. сам позволил напечатать в «Гражданине» письмо в редакцию священника И. Петропавловского с рассуждениями о связуемости молитвы и полового общения. И дал тогда возможность самому Розанову (под псевдонимом Орион⁸) напечатать статью о необходимости сопровождать молитвами все проявления супружеской жизни, тем самым способствуя созданию «молитвенного бытия»⁹.

Безусловно, не мог оставить без внимания выпады в свою сторону сам журнал «Новый путь». В апрельском номере был опубли-

⁷ Из объяснительной записки протоиерея А.П. Устьинского по поводу его публикаций в прессе, поданная архиепископу Гурию (Охотину): «Все мои письма, напечатанные В.В. Розановым, ничуть не предназначались для печати... <...> Таким образом в них вошло немало выражений неосторожных и фраз недостаточно точных и ясных. И только уже по прошествии немало времени от их написания, у Розанова явилось желание их напечатать, на что я изъявил согласие» [8 с. 89–90].

⁸ См.: Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. Т. 4 / Под ред. И.Ф. Масанова. М., 1960. С. 407.

⁹ Орион. Эмбрионы // Гражданин. 1900. № 17. С. 10.

ликован издевательский по тону литературный некролог, автор которого скрылся под псевдонимом *Lacrimafer*¹⁰, где было сказано «о литературной кончине небезызвестного публициста и проповедника нравственности – Михаила Осиповича Меньшикова» [9 с. 185], произошедшей «после продолжительных и тяжких нарушений всяких литературных приличий и простой человеческой порядочности» [9 с. 185]. Последнее расшифровывалось как заведомое искажение истины, ибо этот деятель обвинил журнал «Новый путь» в «сатанизме» и проповеди безбожия, а также попытался скомпрометировать протоиерея Устьинского, написав, по сути, на него донос.

Статья Н.А. Лухмановой «Кто дал им право?», опубликованная в газете «Заря». Место этого печатного органа среди периодических изданий начала XX в.

Перипетии этих споров, затрагивавших основы христианского вероучения и исполнения религиозных обрядов, глубоко тронули Лухманову, почувствовавшую в них личную заинтересованность, так как речь шла о религиозной стороне брачной жизни. Это заставило ее выступить с пламенным воззванием со страниц газеты «Заря» (1903. № 32). Громкий затянувшийся бракоразводный процесс, осуждение на 7 лет церковной епитимьи, запрет повторного вступления в брак, нарушение этого запрета и венчание по подложным документам, разрыв со вторым супругом и расставание с маленьким ребенком (сын Григорий Колмогоров остался в Тюмени с родственниками мужа) не могли не оставить след в ее душе. Отсюда столь пристальное внимание к вопросам семьи и брака, неоднократно поднимаемым ею в художественных и публицистических работах. Поводом к столь горячему выступлению послужил поставленный во главу угла вопрос о вере и браке, болезненный для писательницы. Поэтому столь темпераментно высказалась она в статье «Кто дал им право?».

Газета «Заря» была выбрана ею неслучайно. Издание пользовалось уважением в религиозных кругах. Так, в журнале «Миссионерское обозрение» (1903. № 5), где было напечатано предостережение Иоанна Кронштадтского об опасности поиска новых путей в религии, газета «Заря» была названа вестником «нового, светлого, истинно Божьего дня, разгоняющего мрак материалистических и подобных им течений» [10 с. 660]. Ее же редактор В.В. Ярмонкин объявлялся «глашатаем возвышенных идеалистических принци-

¹⁰ Псевдоним В.В. Розанова // Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. 4. С. 407.

пов» [10 с. 658]. И в целом деятельность «Зари» была охарактеризована как «миссионерская». Следовательно, газета могла считаться в определенной степени голосом церкви.

Важность появления газеты подтвердило и «Новое время» (1903. № 9691), напечатавшее на первой полосе объявление о подписке. А уже через месяц после выпуска газеты, состоявшегося 1 марта 1903 г., редакция «Зари» просила читателей обратить внимание на статью Лухмановой, развенчавшую «тот душевный разврат, который вносят сотрудники “Нового времени” даже в религиозную область» [Заря. 1903. № 32. с. 4]. «Душевным развратом» редакция «Зари» посчитала вышеупомянутые статьи Меньшикова и Розанова. Следовательно, между «Новым временем» и «Зарей» наметилась конфронтация. Необходимо отметить, что Лухманова не стремилась критиковать то или иное издание. Писательница не обратила внимания на суть разногласий Меньшикова и Розанова и других выступающих, для нее они явились выразителями одного и того же явления: «Кто звал быть нашими пророками гг. Меньшиковых, Розановых, протоиерея У-ского¹¹, Мережковского и других?» [Заря. 1903. № 32. с. 10], – вопрошала она. Для Лухмановой важна сама недопустимость публичного обсуждения заявленной темы. По ее мнению, «базар печати» [там же] способен потушить «огонь» [там же] веры в сердцах многих людей, сыграть на руку колеблющимся.

Позиция Н.А. Лухмановой и полемика вокруг ее выступления

Позиция Лухмановой в чем-то совпадает с позицией Иоанна Кронштадтского, заявившего, что искатели нового пути «губят и себя и народ, так как свои мысли сатанинские распространяют среди него» [5 с. 692]. Но если Иоанн Кронштадтский выступал против отхода от традиционной церковной догматики, то Лухманову тревожат не столько новые трактовки религиозных заповедей, сколько обсуждение внутренних церковных проблем в публичной сфере. Писательница убеждена, что недостаточно крепкие в вере люди подобную полемику воспримут как искушение и источник сомнений. В подтверждение этих слов она обратилась к собственному опыту, указав, что «...нам дорога наша вера, маленькая, колеблющаяся, как пламя восковой свечи» [Заря. 1903. № 32. с. 10]. Она дала понять, что такие «нетвердые» христиане дорого дали бы «за поддержку нашего настроения, за беседу хотя бы не с сильным и ученым, а с убежденным, верующим христианином» [там же]. Если

¹¹ Протоиерей Устынский.

Мещерский, критикуя статьи Меньшикова, боялся, что большая часть читателей будет отравлена и соблазнена идеями «Нового пути», то опасения Лухмановой заключались в том, что многие несведущие люди, запутавшись в высказываниях уважаемых и образованных людей, растеряют те немногие основания веры, что хранятся в их сердцах. Для писательницы и обвинители, и защищающиеся, увлекшиеся полемикой и не задумывающиеся о последствиях, одинаково опасны для обычного человека: «Вы укоряете друг друга в пошлости, в язычестве, в поклонении сатане, вы говорите толпе о черной мессе, о сладострастном культе, вы грязните мысли читателей неподготовленных и верящих в газетное слово, вы копаетесь нечистыми мыслями в тайне брака и тайне рождения, вы швыряете друг в друга словами Христа, истолковывая их по-своему. Да, у нас, у средних людей, не сильная, не пламенная вера! <...> Да, мы плохие христиане, но мы имеем стыд, мы имеем свои человеческие тайны» [там же].

На статью Лухмановой незамедлительно отреагировал Розанов, опубликовав в «Новом времени» работу под названием «Простая рыбачка» [НВ. 1903. № 9729. С. 3], где он не нашел ничего лучше как обвинить писательницу в банальной женской истерике (аргумент, к которому часто прибегают мужчины, когда не могут опереться на более серьезные факты). По словам Розанова, Лухманова «кричит, как кликуша», статье дано «истерическое заглавие», и она заключает в себе «истерическое содержание» [там же]. Избрав тон поучения, он утверждал, что писательница вообразила себя «директрисой печатного пансиона», а писателей посчитала «пансионерками на полном ее иждивении и под ее присмотром» [там же]. При этом автор избрала нейтральную форму изложения своих мыслей, как бы говоря от лица «не то Петербурга, не то России даже» [там же].

Сравнением с директрисой пансиона Розанов отсылал читателя к роману Лухмановой об институтской жизни и тем самым словно указывал писательнице ее место, не давая ей права на равных участвовать в полемике с учеными мужами. Клеймо «институтки» было вечным определением, которым пользовались соперники Лухмановой, желая указать на узость ее интересов. И ее лекции по вопросам проституции, и участие в русско-японской войне воспринимались многими как блажь постаревшей институтской барышни. Писательницу часто осуждали за морализаторство, консерватизм взглядов. Недоброжелателями она воспринималась как «человек толпы», не желающий принимать ничего нового, не укладывающегося в рамки привычного. Розанов саркастически подчеркнул, что Лухманова в своем стремлении к покаянию «желает закрыть все академии и университеты», и, переходя на личности, обви-

нил ее в ханжестве: «Какое же вы “темное дитя Божие”, госпожа Лухманова? Да вы автор пресоблазнительной, как рассказывают, пьесы, переведенной с французского. <...> Говорят, в партере девицам платочками приходилось закрываться» [там же]. Не преминул Розанов уличить автора статьи и в невежестве: «если она в самом деле “изречений отцов церкви не помнит”, как и “подробностей вселенских соборов”, то что же, неужели и всем другим по ее образцу надо все это забыть?» [там же]. Притворно усомнился он и в ее конфессиональной принадлежности: «она отчетливо и не знает, пашковка ли она, хлыстовка, православная, лютеранка, католичка» [там же]. В финале же статьи Розанов в нарушение логики неожиданно сравнил Лухманову с женщиной, которая, «подняв среди верующих крик, воздвигла гонение на апостола Павла»¹² [там же].

Обвинение в истеричности и невежестве Лухмановой довелось услышать не только от мужчин, но и от женщины. В апрельском номере «Нового пути» была опубликована статья «Кого жалко?» критика Антона Крайнего, посвященная «последней газетной сваре» [12 с. 181]. Гиппиус, как всегда хлестко и беспощадно, прикрываясь маской сочувствующего коллеги, клеймит писательницу. А чтобы это не выглядело диссонансом, использует ту же маску лицемерного соболезнования и по отношению к Меньшикову. Написавший такую статью автор должен страшиться того, что «настоящие люди его угадают» [12 с. 181] и отнесутся к нему крайне негативно. Гиппиус притворно жалеет публициста, несомненно страдающего «от бессилия и от своей личной ненависти, и от глухого сознания своих античеловеческих поступков!» [12 с. 181]. По этому случаю в том же номере и был помещен уже упоминавшийся выше посвященный Меньшикову литературный некролог. Причина же «сочувственного» отношения Гиппиус к Лухмановой иная: как к человеку не очень умному и нервному, а потому ввязавшемуся не в свое дело. Однако Антон Крайний великодушен: хотя он «никогда не мог себя принудить жалеть женщину в истерике» [12 с. 182], но снисходительного сочувствия она все же заслуживает. Статья скрепляется единым мотивом: Лухманова лишена разума сама (она имеет «сердце женское,

¹² Позже Короленко в статье «Соня Мармеладова на лекции госпожи Лухмановой» [11], получив сведения о содержании лекций из вторых рук, так же, обратившись к евангельским аналогиям («В евангельском рассказе о суде Христа над блудницей, к сожалению, не говорится ничего о том, были ли в толпе, окружавшей Христа, также и женщины. Во всяком случае не было ни одной г-жи Лухмановой, иначе едва ли предложенье Христа “первому бросить камень” осталось бы без соответствующего отклика» [11 с. 254]), представил Лухманову «человеком толпы».

сердце без разума»¹³ [12 с. 183]) и хочет всех женщин его лишить, сохранив им лишь «женские сердца». На этом основании Гиппиус делает вывод, что Лухманова может быть опасна для окружающих, рискующих заразиться от нее истерикой. Но автор завершает свои рассуждения успокоительными сентенциями, уверяя, что женские истерики в целом не опасны, так как «у людей, даже и при женском сердце, всегда есть хоть какой-нибудь разум, а с ним и хоть какая-нибудь воля» [12 с. 183].

Не преминула Гиппиус охарактеризовать и статью Розанова «Простая рыбацка» как «остроумнейшую», но чрезмерно серьезную для такого пустячного случая. Розанов, по ее мнению, справедливо указал на «грешки» Лухмановой, раскрыв, в чем заключалась ее «писательская деятельность»: «переводы французских пьес сомнительной добродетели» [12 с. 183]. Но Гиппиус тверда в своем диагнозе: «перед нами больная женщина» [12 с. 183], поэтому неважно, добродетельна она или нет. И разговаривать с подобными особами не следует, разве что прикрикнуть и осадить: «... мало ли что можно было бы сказать госпоже Лухмановой, если бы с нею можно было говорить» [12 с. 184], но «г-жа Лухманова не услышит нас и не поймет. И не надо ее убеждать» [12 с. 184] – таков вердикт критика. Совершенно очевидно, что Гиппиус следует нормам мужского поведения, принятого в патриархатном обществе, что вполне согласуется с ее этической программой: голоса обладательниц «безразумного женского сердца» [12 с. 183], истеричек, не нужно принимать во внимание. И солидаризируясь с Розановым, в финале статьи Гиппиус привела тот же самый евангельский эпизод об апостоле Павле. Естественно, что и у нее Лухмановой отведена роль «нервной и сердечной» [12 с. 184] женщины из толпы. Довольно ядовито Гиппиус советует близким писательницы ограничить ее доступ к газетам и журналам, а самой Лухмановой – подлечить нервы и понемногу приучать себя к чтению Св. Писания. Гиппиус также вскользь упомянула, что Лухманова нередко выражала «недовольство священниками крайне порывисто и беспощадно» [12 с. 183], вероятно, намекая на воспоминания писательницы о тяжело пережитом ею опыте церковной епитимьи. В контексте же этой статьи данное упоминание служит дополнительной иллюстрацией истеричности и болезненным способом выражения писательницей своих взглядов.

Все вышеизложенное показывает, что Гиппиус приняла сторону оппонентов Лухмановой. И Розанов, и Гиппиус, сознательно или не ведая, не упоминают других литературных работ писатель-

¹³ Заметим, что здесь Гиппиус подспудно вступает в полемику с Л.Н. Толстым, заявлявшим, что идеальная женщина – та, которая не устаивает «быть умной».

ницы, помимо переводов «сомнительных пьес». В их яростных нападках видны попытки лишить этого автора права голоса и права на точку зрения, а ее возмущение представить всего лишь криком, порожденным страхом и ограниченностью.

Лухманова ответила своим гонителям 11 апреля, но еще до ее ответа на страницах «Зари» доктор богословия П.¹⁴ защитил ее, укорив Розанова за грубость и нетерпимость. Статья с литературной точки зрения далеко не безукоризненна, грешит фактическими неточностями. Так, Розанову приписывается едва ли не создание «Нового пути» и Религиозно-философского сообщества, на собраниях которого с помощью Мережковского и Меньшикова он проводит «свои воззрения на разные религиозные и церковно-практические темы» [там же]. Таким образом, фокус повествования смещается на личность Розанова, а Лухманова становится лишь поводом для выражения неприятия розановских идей. Но автор все же не забывает сказать об ореоле «сердечной чистоты и простоты», который отныне овеивает образ женщины, восставшей против глумления над святынями.

Лухманова же, в отличие от доктора богословия, была кратка и сдержанна. Она решила дать отпор хулителям на их же религиозном поле. Отметив, что Розанов обрушился на нее с бранью в Страстную субботу, а отвечать ему в великий праздник она посчитала неуместным, она все же призналась, что не смогла оставить без внимания некоторые пункты обвинений. Ее огорчила неприличная брань, к которой прибегают в настоящее время некоторые писатели и которая «допускается многими органами печати»¹⁵. Также она удивилась, что ее обвинили в присвоении авторства переводных пьес. Это можно было сделать «только в слепой ярости, потому что нельзя быть автором чужой литературной собственности». Причиной же несоразмерно бурной реакции на свою статью Лухманова назвала желание затемнить «серьезный вопрос о неприличии тона, с каким велись г. Розановым его якобы богословские споры».

Как видим, газета «Заря» становится площадкой, где ведутся громкие богословские прения, а закрытие Религиозно-философских собраний усилило полемические настроения. 13 апреля 1903 г. там была помещена статья Б.В. Добрышина «Вера и молчание»¹⁶, в которой вновь поднялась волна критики Лухмановой. Ее статью автор посчитал даже одной из причин запрета собраний.

¹⁴ Доктор богословия П. По поводу реплики г. Розанова с г-жой Лухмановой // Заря. 1903. № 38. 10 апр. С. 10.

¹⁵ Лухманова Н.А. Ответ г. Розанову // Заря. 1903. № 39. 11 апр.

¹⁶ Добрышин Б. В. Вера и молчание // Заря. 1903. № 41. 13 апр. Добрышин Борис Васильевич (1864 – не ранее 1913) – журналист, писатель.

Писательница, по его мнению, потребовала замалчивания важных вопросов. Он встал на защиту сотрудников «Нового пути», подчеркнув, что запрет собраний – следствие грубого вмешательства цензуры. Возникшую ситуацию Добрышин рассмотрел как один из признаков словобоязни, приносящей «несоизмеримо больше вреда и зла, чем успокоения людям, некрепким в вере, и профессорам, бессильным защищать убежденным словом выводы своей науки». Добрышин парировал реплику Лухмановой, что те, «кто сомневается хоть в чем-нибудь, касающемся веры, должны молчать». Он выразил уверенность, что сопровождающаяся сомнениями вера «в молчании погаснет с большей вероятностью, чем от собеседования». Статья сопровождалась комментарием редакции, в котором жестко критиковались «философы на религиозной почве», деятельность которых характеризовалась «болезнью тела и мозговым развратом». Газета «Заря», говоря как бы от имени русского народа, противопоставляла веру обычного православного человека деятельности участников собраний: «...всякое падение государства знаменуется всегда мозговыми экскурсиями в область религиозную. Но мы спокойны. На Руси еще, слава Богу, жив истинно православный человек, и он всегда только с жалостью будет смотреть на этих декадентов, на этот несчастный тип вырождения, какими представляются ему все гг. Розановы, Успенские, Меньшиковы, Петровы и т. п.».

Как видим, газета встала на сторону Лухмановой, подтверждением чему служит публикация ее ответа – фельетона «Несколько слов г. Добрышину». В нем она упрекнула журналиста в ложной трактовке своей статьи, затронув отчасти и различный подход женщин и мужчин к определенным вопросам: «глубоко удивляет, что мужчины, обвиняющие обыкновенно женщин в легкомыслии, поступают в серьезных вопросах крайне неосмотрительно, не вникнув, не вдумавшись в то, о чем говорят и в чем обвиняют»¹⁷. Лухманова призналась, что ее «как каждого развитого человека радовал факт, что существуют такие специальные собрания, на которых люди могут свободно обсуждать интересующие их вопросы и обмениваться религиозно-философскими мыслями». Следовательно, укорять ее в желании запрета обсуждений острых религиозных тем по меньшей мере странно. Но она снова подчеркнула, что газетные столбцы не место для полемики по вопросам религии: в этом случае «для всех (и кабинета, и зала, и училища, и кухни, и улицы), читающих газету, было больше соблазна, чем просвещения. <...> Пища, брошенная на общественный стол, для многих могла сделаться травой».

¹⁷ Лухманова Н.А. Несколько слов г. Добрышину // Заря. 1903. № 43. 15 апр.

Защита ее позиции газетой продолжилась, когда чуть позже была напечатана статья «Новые христиане»¹⁸, помещенная в трех номерах. Автор статьи, подписавшийся инициалами А.Л., подержал точку зрения писательницы, также заявив о неуместности обсуждения религиозных проблем в популярных печатных органах. А.Л. связал поднятую тему с иными вопросами, начав обсуждение «глубоко воспитательного значения» [Заря. 1903. № 53. с. 15] газет в целом. Заметки об убийствах, самоубийствах, светская хроника, рассказы о семейных скандалах печатаются на первых страницах, а это, по мнению автора, вызывает «подражание среди современных геростратов» [Заря. 1903. № 52. с. 15]. Но в финале автор вновь возвратился к заявленной теме и призвал интеллигенцию помочь пастырям церкви «в их трудной воспитательно-религиозной задаче» [там же].

Заключение

После выявления всех аспектов полемики становится ясно, что статья Лухмановой «Кто дал им право?» получила большой общественный отклик и была использована в качестве материала, направленного против деятельности журнала «Новый путь» и Религиозно-философских собраний. Сама писательница вряд ли ожидала столь бурной реакции и, судя по ее последующим заявлениям, сожалела, что ее работа способствовала журналистской травле и послужила одним из поводов для запрета собраний. Напомним, что в статье «Кто дал им право?» Лухманова говорила от имени рядового читателя «Нового времени», который рисковал запутаться в сложных богословских спорах. Однако различные общественные силы использовали ее работу для достижения собственных целей: для «Зари» это был очередной способ уязвить «Новое время» (негативные отзывы о деятельности суворинского издания можно найти во многих номерах); противники «Нового пути» представили статью Лухмановой как воззвание простой женщины, не вынесшей засилья декадентства и ереси, о помощи; «новопутейцы» интерпретировали статью как постыдную невоздержанность посредственности. В споре оппоненты доходили иногда до прямых оскорблений, забывая при этом о сути вопроса и позиции писательницы. Лухмановой предъявили претензии, которые традиционно предъявлялись женщине, посмевшей высказать свою точку зрения. Ее обвинили в невежестве, духовной слепоте, истеричности. Защитники же отвели ей роль «чистой души», «невинной жертвы»,

¹⁸ А.Л. Новые христиане // Заря. 1903. № 51–53, 23–25 апр.

которая «настолько расстроилась и испугалась» [Заря. 1903. № 38. с. 10] философских рассуждений, что посмела громко заявить о своем негодовании, что тоже не слишком положительно ее характеризовало. В итоге обе стороны в чем-то совпали: их объединила уверенность в том, что публичное женское высказывание о сложных проблемах есть явление неподобающее. Если обвинители видят в этом «истерию», то защитники эту «истерию» объясняют как реакцию на происходящее: деятельность некоторых изданий настолько оскорбительна, что женщина не смогла сдержаться. Во всех статьях подчеркивалась эмоциональность автора, ее выступление назвали «криком», «воплем». И даже два ответа «виновницы» дискуссии (Розанову и Добрышину), написанные в совершенно ином тоне, не изменили положения дел. Таким образом, можно констатировать, что хотя роль Лухмановой в журналистике становилась все более заметной (от роли переводчицы и беллетристки она перешла к публичным дискуссиям), ее взгляд на проблемы, по сути, оставался нерасшифрованным или истолковывался неверно. Основное внимание обращали на тон высказывания, а не на содержание.

Литература

1. *Перцов П.П.* Новый путь: Вступительная статья // Новый путь. 1903. Январь. С. 5–6.
2. Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901–1903 гг.) / Под ред. С.М. Половинкина. М.: Республика, 2005. 543 с.
3. *Гиппиус З.* Дмитрий Мережковский // Гиппиус З. Ничего не боюсь / Под ред. Г.Е. Евграфова. М.: Вагриус, 2005. 560 с.
4. *Лавров А.В.* Символисты и другие: Статьи. Разыскания. Публикации. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 761 с.
5. *О. Иоанн Кронштадтский.* О старом и новом пути спасения // Миссионерское обозрение. 1903. № 5. Март. С. 690–692.
6. *Минский Н.* «Новый путь» и «путь сатанинский» // Новый путь. 1903. № 4. Апрель. С. 197–199.
7. *Евгеньев-Максимов В.Е.* Из прошлого русской журналистики: статьи и материалы. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1930. 302 с.
8. *Воронцова И.В.* Протоиерей Александр Устьянский и «реформатор» Василий Розанов: История суда над протоиереем Александром Устьянским, изложенная в переписке 1903 г. // Вестник Православного Свято-Тихоновского государственного университета. 2010. № 2 (36). С. 83–101.
9. *Lacrimafer.* Литературный некролог // Новый путь. 1903. № 4. Апрель. С. 185.
10. *Бронзов А.* Новая газета «Заря» г. Ярмонкина // Миссионерское обозрение. 1903. № 5. Март. С. 658–660.
11. *Короленко В.Г.* Соня Мармеладова на лекции госпожи Лухмановой // Русское богатство. 1904. № 6. С. 253–257.
12. *Антон Крайний.* Кого жалко? // Новый путь. 1903. № 4. Апрель. С. 179–184.

References

1. Pertsov P.P. Introductory article of the “Novyi Put’ ” (“New way”) magazine. *Novyi put’*. 1903. Jan. p. 5-6. [In Russ.]
2. Polovinkin S.M., ed. Notes of St. Petersburg Religious-philosophical meetings (1901–1903). Moscow: Respublika Publ.; 2005. 543 p. [In Russ.]
3. Gippius Z. Dmitry Merezhkovsky. V. Gippius Z. *Nothing to fear*. Moscow: Vagrius Publ.; 2005. 560 p. [In Russ.]
4. Lavrov A.V. Symbolists and others. Articles. Researches. Publications. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; 2015. 761 p. [In Russ.]
5. St. Ioann Kronstadtskii. About the old and new way of salvation. *Missionerskoe obozrenie*. 1903;5:690-692. [In Russ.]
6. Minskii N. “Novyi put’ ” and “path of Satan”. *Novyi put’*. 1903;4:197-99. [In Russ.]
7. Evgeniev-Maksimov V.E. The past of Russian journalism: articles and materials. Leningrad: Izdatel'stvo pisatelei v Leningrade Publ.; 1930. 302 p. [In Russ.]
8. Vorontsova I.V. Archpriest Alexander Ust'insky and “reformer” Vasily Rozanov. The story of the trial of Archpriest Alexander Ust'insky, as set out in the 1903 correspondence. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2010;2:83-101. [In Russ.]
9. Lacrimafer. A literary necrologue. *Novyi put’*. 1903;4:185. [In Russ.]
10. Bronzov A. A new newspaper “Zarya” (“Dawn”) of Mr. Yarmonkin. *Missionerskoe obozrenie*. 1903;5:658-60. [In Russ.]
11. Korolenko V.G. Sonia Marmeladova at the lectures of Mrs. Lukmanova. *Russkoe bogatstvo*. 1904;6:253-57. [In Russ.]
12. Anton Krainiy. Who's sorry for? *Novyi put’*. 1903;4:179-84. [In Russ.]

Информация об авторах

Татьяна В. Левицкая, аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; Россия, Москва, 119991, Ленинские горы, д. 1, стр. 51; tanuhamozzzkva@yandex.ru;

Мария В. Михайлова, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; Россия, Москва, 119991, Ленинские горы, д. 1, стр. 51; mary1701@mail.ru.

Information about the authors

Tatiana V. Levitskaia, postgraduate student, Lomonosov Moscow State University (MSU), Moscow, Russia; bldg. 51, bld. 1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russia; tanuhamozzzkva@yandex.ru;

Maria V. Mikhailova, Dr. of Sci (Philology), professor, Lomonosov Moscow State University (MSU), Moscow, Russia; bldg. 51, bld. 1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russia; mary1701@mail.ru.